

Улитку привезла Оля.

То есть нет.

Конечно же, Оля привезла букет душистых трав, перебирая который, я и увидела маленькую белую улитку на листике мяты.

Я положила её на влажный виноградный лист— за моим кухонным окном вот уже третий год бушует лоза, а прошлым летом на ней появилось несколько грознок зелёного винограда, потемневшего и ставшего чёрным в августе.

— Не упала бы,— шепнула я,— четвёртый этаж всё-таки.

Закружилась карусель событий длинного летнего дня, подхватила, увлекла за собой, и об улитке я вспомнила лишь поздно ночью.

Она спала там, где я её оставила,— на виноградном листке, вздрагивающем от тёплого ночного ветра.

— Интересно, улитки видят сны? И если видят, то о чём?.. Может, в снах с ними происходят невероятные истории? Расскажешь мне свою как-нибудь? До завтра.

А наутро улитка исчезла.

Возможно, её сдул прохладный северный ветер, и она теперь внизу, где-то под листьями малины и земляники.

Что ж. Пусть ей там будет хорошо.

Вот только нерассказанной и не услышанной истории было жаль.

Прошло две недели.

Я забыла о маленькой неожиданной гостье.

Прошло две недели.

Сегодняшним утром я, как всегда, подошла к окну, чтобы увидеть отражение восхода на стене соседнего дома и понять, каким будет новый день, и вдруг услышала тоненький голосок:

— Доброе утро.

— Доброе утро,— поклонилась я— на всякий случай— виноградным листьям, темнеющим и тяжелеющим гроздьям, розовым рассветным облакам и вредному мраморному клопику, с таким трудом изгнанному из кухни вчера вечером.

— Вот и я.

— Кто вы? Я вас не вижу.

— Ты же хотела услышать мою историю...

— Да,— кивнула я, понятия не имея, что это за история и почему мне захотелось её послушать. — Вот я и вернулась, чтобы рассказать их.

Тут я наконец увидела маленькую белую улитку, бесстрашно раскачивающуюся на тоненьком виноградном усике.

— Осторожно! Здесь...

— Четвёртый этаж. Знаю.

История первая. Ангел

О море, о времени, растраченном впустую, о суете и умиротворении...

— Отнеси меня к морю. Это—единственное, к чему я стремилась несколько жизней. Для тебя оно, наверное, нечто обыденное, привычное. Для меня—мечта. Отнеси меня к морю, пожалуйста. — Вот только закончу срочные дела и отнесу. — На что ты тратишь самое драгоценное время суток?..

— Я не люблю валяния в постели по утрам—столько всего нужно успеть... Чтобы потом успеть к морю.

— Я не о валяниях и постелях. Я—об утреннем времени, которое ты размениваешь на суету и спешку, на бесконечные хлопоты и заботы.

— А на что нужно тратить утреннее время?

— На себя. Прислушаться к себе, понять, всё ли в порядке. Вспомнить о главном. Утреннее время—самое дорогое.

— Я не принадлежу себе. И потом. Море для меня никогда не станет обыденным и привычным. К нему невозможно привыкнуть—оно не повторяется. — Соглашусь, пожалуй...

— Хотя в чём-то ты со мной согласна.

— Я же не возражаю. И не спорю. Не люблю споры, диспуты и дискуссии.

— Надо же... Я—тоже.

— Так, значит,— к морю?

— А как же обещанные истории?

— Слушай.

В комиссионный магазин, где продавалась всякая всячина, зашли бабушка и внучка. Бабушка попросила показать малахитовую шкатулочку для

украшений, а девочка глаз не могла отвести от маленького ангела на третьей полке.

— Ну что, Майя, нравится?

Малахитовая шкатулка стояла на прилавке, но девочка на неё даже не взглянула.

— Бабушка, купи мне этого ангела, пожалуйста.

— Ты же шкатулку хотела, и чтобы непременно — малахитовая.

— Пожалуйста...

Девушка-продавец сняла ангела с полки.

— Это не простой ангел — фарфоровый. Он очень старый — вот клеймо. Но, к сожалению, с дефектом: отбито крылышко. Потому и задержался у нас, несмотря на то, что стоит недорого.

— Майя, видишь... Крыло отбито. Зачем нам такой?

— Бабушка, давай возьмём его. Пожалуйста. Он похож на меня.

Левая рука у девочки была подвязана косынкой.

— Ну, если ты настаиваешь... Но на шкатулку денег не остаётся — имей в виду.

Но девочка, казалось, не слышала бабушку.

Всю дорогу она бережно прижимала к себе маленького ангела с отбитым крылышком, а дома поставила на полочку над кроватью.

Ночью ей приснилось, что у ангела два крыла.

«Ты что же, выздоровел? А я только хотела вылепить тебе крылышко из белой глины. Папа подарил мне на день рождения целый набор для лепки».

«Я тебе снюсь. Ты видишь меня таким, какой я есть на самом деле. Почему у тебя рука не двигается?»

«Упала. Потом рука неправильно срослась — и её заново ломали. А теперь доктор говорит, что нет никакой надежды».

«Надежда всегда есть. Пока дышишь. Живи! Первое время будет больно... Но это скоро пройдёт».

Ангел коснулся краешком крыла руки девочки, и Майя с удивлением почувствовала, что может пошевелить пальцами.

«Вот здорово!»

Она засмеялась, захлопала в ладоши и проснулась.

Рука по-прежнему была чужой и безжизненной. И ангел стоял на полочке.

Майя начала лепить крылышко. Одной рукой это было делать неудобно, крылышко выходило неровным, некрасивым, она, плача, сминала глину и всё начинала заново.

Под утро, когда крылышко было готово, Майя почувствовала покалывание в пальцах левой руки.

В комнату вошла бабушка.

— Майя... Внученька, что случилось? Почему ты не спишь? Только пять часов утра.

— Смотри...

Девочка взмахнула левой рукой, как крылом.

— Как же это? И не болит?

— Нет, — соврала Майя. — Не болит. Ангел вылепил, — и увидела, что по щекам бабушки текут слёзы. — И знаешь, почему он не хотел продаваться в магазине?

— Почему?

— Ждал меня.

История вторая. Продавец тишины

*О платьях, переездах,
рассеянности и забывчивости...*

— Красивое платье.

Я так привыкла к тоненькому голосу за окном, что даже не вздрогнула.

— Это юбка.

— Во времена, когда платьем звалась любая одежда, я уже была, и была столбовой дворянкой.

Я рассмеялась.

— А владычицей морскою не ты ли была, случайно?

— Сомневаешься? У меня столько разного платья, что ты себе представить не можешь.

— Где же всё это?

— Когда тебя срывают с места и не дают ни минутки на сборы... У меня не было времени на то, чтобы заглянуть в зеркало, не говоря уже о том, чтобы собрать чемодан.

— Какой чемодан? Какое зеркало? У тебя же всё с собой — в домике.

— Действительно. Постоянно забываю, что я теперь — улитка.

— Теперь? Это лучше или хуже, чем было?

— Это не лучше и не хуже. Это иначе. По-другому.

— Ты всё помнишь о прошлом?

— Всё. Откуда бы тогда эти истории?..

Ёлка начала осыпаться в ночь на тринадцатое.

Ася задела еловую лапу и услышала тихий шелест иголок.

«Вернусь и всё уберу — и иголки, и саму ёлку...»

Всего десять дней на новом месте — опаздывать не хотелось.

Она нашла эту работу неожиданно, когда уже совсем отчаялась.

Ничего особенного: проверить почту, отобрать объявления о продаже в одну папку, о покупке — в другую, об аренде — в третью. Разместить на сайте десяток самых актуальных — с фотографиями и описанием. Снять объявления, которые устарели.

Она быстро освоилась: появляться в офисе каждый день не было необходимости, один-два раза в неделю — достаточно.

А сегодня праздник — старый Новый год. Значит, писем с объявлениями будет немного.

Писем было всего пять.

Быстро справившись с ними, она открыла последнее и улыбнулась: «Продам тишину оптом

и в розницу. Цена договорная. Звонить строго в указанное время. Виталий».

Староновогодняя шутка? Ася чуть помедлила и всё-таки набрала номер, указанный в объявлении.

Выслушав семь длинных гудков, нажала повторный вызов—ответа не было.

«Ну и сиди со своей тишиной оптом и в розницу, шутник».

Удалив странное письмо, она закрыла почту и представила, что сейчас отправится домой—через весь город, а там... кресло, плед, какао и любимое миндальное печенье в любимой синей вазочке.

Только бы соседи снизу не пели в караоке, как в новогоднюю ночь. А соседи сверху не запускали петарды с балкона. Всё-таки старый Новый год поспокойнее, чем просто новый. И никаких звонков—ни дверных, ни телефонных...

В ответ на её мысли ожил телефон.

— Алло, слушаю...

— Вы мне звонили час тому назад.

— Вы—Виталий?

— Да.

— Тишина оптом и в розницу?

— Что-то не так? Надо писать «ти-шы-ны», что ли?

Голос потеплел, и Ася поняла, что её собеседник улыбается.

— Объясните, пожалуйста. И поскорее, я тороплюсь.

— Тишина необходима людям, как чистый воздух, чистая вода, как настоящий хлеб, молоко, мёд... У меня её много. И я подумал: почему бы не поделиться с теми, кто нуждается в ней? И цену назначать не стал—каждый заплатит столько, сколько считает нужным.

— Воздух у нас пока бесплатный...

— То, чем вы дышите, нельзя назвать воздухом. Чистую воду давно уже покупаете, ведь так? А чтобы купить настоящий хлеб, обходите несколько булочных.

— Да нет, просто беру в той, что ближе. Я почти не ем хлеба. Да... И как выглядит ваша... тишина?

— Приезжайте—услышите. И увидите.

Ася представила домик в лесной глуши, озеро, сосны с янтарными стволами, уходящие в синее небо, тропинку в густой траве... Земляничную поляну, черничник и берестяное лукошко—как в детстве. Дед сделал для неё, маленькое. А у самого было большое—ведёрное. С ним и по ягоды, и по грибы ходил, а когда случалось, и мёд лесной приносил, в сотах, как куски янтаря...

«Середина января, дурёха. Какой тебе ещё черничник?»—одёрнула она себя.

— Приезжайте сейчас, если хотите. Можете взять с собой подругу. Или друга. Чтобы не возникало сомнений. Платформа «Тишина». Электрички идут с интервалом в два часа. Позвоните—встречу.

В трубке раздались длинные гудки...

Ася вспомнила шесть ящиков с пивом у подъезда, машину с надписью: «Петарды, фейерверки, салюты—мы сделаем ваш праздник незабываемым!»—и отправилась на вокзал.

Через сорок минут она стояла на платформе «Тишина». Никого, кроме человека в овчинном тулупе и валенках.

— Виталий?

— Он самый. А вы...

— Я—Ася.

Он посмотрел на её ботиночки на шпильках и короткое пальцецо.

— Километра два пройти пешком сможете?

— Попробую.

— Пошутил. У меня транспорт. Почему-то подумал, что вы сразу приедете.

Ася увидела небольшой снегоход у насыпи и заглянула в серые внимательные глаза Виталия.

— Мы не встречались раньше?

— Не исключено,—улыбнулся Виталий.—Я родом из этих мест. В моей жизни было много дорог, встреч, городов и вокзалов. Но не было главного—тишины.

Через четверть часа взгляду открылась небольшая поляна, на которой стояла бревенчатая изба. Пахло сеном и ещё чем-то очень знакомым, из детства.

— Топлёное молоко. Прошу...

Ася прошла по скрипучему снегу к дому.

— Тихо.

— Настоящая тишина—живая. Вот это—клёст. Птица такая, знаете? Зимой птенцов выводит. А это—зимородок. На самом деле он—землеродок. Слышите? А это сосны качаются... А это—синицы звенят.

В доме было чисто, уютно, тепло.

— Проходите. Через час постучу.

Ася оказалась в небольшой комнате: стены заставлены книгами, кроме одной—туда выходил бок русской печки,—и там стояла лежанка, покрытая пёстрым лоскутным одеялом. На столе—у небольшого окна—открытая книга: Шмелёв, «Лето Господне».

Прочла страницу, другую—и не заметила, как раздвоилась.

Одна Ася осталась в кресле у окна, с книгой на коленях.

Вторая—плыла по озеру в лодке, к бревенчатому дому на опушке. Вёсла поскрипывали в уключинах, белая птица низко кружила над тёмной водой, и платье на Асе было длинное, холстинковое, с вышивкой и мережкой у ворота, и волосы в косу заплетены.

Голос знакомый—будто из сосен на пригорочке или со дна озера—с брызгами от вёсел долетел:

«Землянику одну не вари. С черникой вари. Земляника одна горенит».

В лодке лукошко берестяное—земляники полное. Сверху горстки две черники—россыпью. И когда успела набрать и где? Зима на дворе.

«Зима на дворе»,—вспомнила Ася, оставшаяся в кресле. И та—которая в лодке—кивнула: мол, сейчас,—к берегу причалила, и... снова стала одна Ася.

В дверь тихонько постучали.

Виталий молча, ни о чём не спрашивая, жестом пригласил её к столу.

Молчала и Ася.

Только за столом, угощаясь чаем с земляничным вареньем, спросила:

— Такое только во сне может привидеться. Так и не поняла, спала я или нет. На сон не похоже. Что это? И что за место?

— Этот дом построил мой прадед. Здесь всегда было так... тихо. Низина.

— Потому и платформа называется «Тишина»?

— Да.

— Варенье земляничное с черникой варили?

— Чувствуется черника? Удивительно... Как вы узнали?

— Земляника одна горенит.

— Прабабка моя так говорила...

— Значит, её голос я слышала в вашей тишине. Ведь у каждого своя тишина, я правильно поняла?

— Так... Мы слышим то, что способны услышать, вспомнить. То, что в нас. По сути—самих себя. Слышим то, на что настроена наша душа.

Она ещё о чём-то его спрашивала. Он отвечал.

Обратной дороги Ася не помнила.

Наутро она с удивлением обнаружила себя в офисе. Мигал монитор компьютера.

Набрала номер Виталия—длинные гудки. В справочной ответили, что станции «Тишина» на пути следования пригородной электрички теперь нет.— Как это может быть?

— Была когда-то,—уточнила оператор,—лет тридцать тому... Я как раз в справочную работать устроилась. Стоял там один дом—всё, что осталось от довоенного посёлка. И жилец был один, Серов Виталий Николаевич,—вот, нашла запись в журнале.

— Виталий Николаевич, говорите? Спасибо.

Ася выключила компьютер, вышла из офиса и остановила такси.

— Железнодорожный вокзал, пожалуйста...

История третья, рассказанная во время дождя. О любви, наверное

Кому и как подать себя...

Читала вслух стихи.

Виноградный лист вздрогнул, раздался привычный тоненький голосок:

— Надо учиться себя подавать. Де-кла-ри-ро-вать.

— Когда, а главное, где ты успела набраться этого?

Улитка качнулась на виноградном усике и продолжала:

— Позиционировать. Принимать правильные, а иногда неправильные, но эффектные позы, эпатировать публику.

— Публика—у актёров.

— Позволь напомнить: весь мир—театр.

— Да... вижу, что ты времени зря не теряешь. Так что ты там говорила о подаче?

— Начни курить. Что-то уникальное. Без фильтра. «Партагас», к примеру. А лучше—сигары.

— Может, трубку?

— Неплохо. Но и не ново.

— Надо же. Тогда остаётся завести табакерку и прилюдно предаваться нюханью табака, а затем—чиханию. В промежутках между чихами выкрикивать стихи. И прозу. Топлес.

— Иронизируешь? Зря. Чихай, пей, кури... что угодно делай...

— Так я делаю.

— Что же?

— Пишу. Остальное—не важно.

Вожделенный ливень, сошедший на город, смыл тротуарную плитку, несколько элементов лепнины на фасаде старого дома, ветхий балкон, воспоминания о жарких днях и душных вечерах, о ночном безветрии, в котором увязла песнь цикады.

Опустевший виноградный усик рвал ветер.

— Эй... ты здесь?

Голос мой тонул в потоке дождя, я себя едва слышала.

— Где же мне ещё быть в такой дождь.

— Не вижу тебя.

— По-прежнему смотришь только глазами? Закрой. Теперь видишь?

— Не знаю. Кажется, вижу.

— Пожалуй, расскажу тебе одну историю. В дождь всегда вспоминается что-то связанное с домом, с очагом.

— Как в снегопад?

— Как в снегопад, только с другим ароматом.

Небо сошло на землю, и всё стало дождём.

Жители маленького посёлка не спали: рыбацкий баркас не вернулся.

Судьба семерых моряков была неизвестна.

Штормовой ветер повредил опоры небольшой подстанции, и весь посёлок остался без электричества.

В доме Агаты весь запас свечей вышел.

Закончились свечи и в ларьке, и в церковной лавке. Обещали привезти, но только на следующей неделе.

Агата, не раздумывая, зажгла большую белую свечу, перевитую золотой лентой,—одну из двух, что стояли на божнице,—и на миг замерла, в который раз повторяя молитву Богородице.

— Агата... Агата!

Будто окликнул кто. И голос так на голос Петра похож. Только глухой, сдавленный. Как из-под земли или из-под воды.

Она вышла с зажжённой свечой во двор, прикрывая язычок пламени от ветра. Постояла у частокола, за которым были обрыв и море.

Каждой осенью Пётр укреплял частокол прутьями ивы, которые быстро пускали корни и по весне всю зеленели, сплетаясь со старыми прутьями.

Так делали его отец, и дед, и прадед. Так делал и он.

Никто не помнит, сколько лет этой живой изгороди.

Здесь никогда не бывало оползней и обвалов, как в других местах, где море отвоёвывало берег и наступало на посёлок.

Со временем получилось, что дом Петра и Агаты стоял на самом краю обрыва.

Когда-то давно тут был маяк.

Теперь маяком служило окно их старого дома, на котором всегда с наступлением сумерек зажигалась лампа или свеча.

— Агата! Открой...

На этот раз голос другой—женский, и совсем рядом.

— Это ж венчальные,—ахнула Нора, соседка, забежавшая за шалфеем, который водился только у Агаты.—Зуб разболелся, мочи нет...

Агата отсыпала немного сухой ароматной травы, пояснила, как заваривать.

— И не жаль такую красоту жечь?

— Это окно выходит к морю. На нём всегда, сколько себя здесь помню, горела свеча. Так было, когда в море уходил дед Петра. Его отец. А теперь и он.—Так-то оно так, да ведь не напасёшься свечей... Да ещё венчальных.

— Ступай, Нора. И не забудь: полоскать каждые полчаса.

Отвар из шалфея помог, зубная боль помаленьку утихла, и Нора уснула.

На третьи сутки и ветер утих.

Задремала Агата, и ей привиделось, что рыбаки уже вернулись домой, а она проспала их возвращение.

Она проснулась, вышла во двор.

Отсюда хорошо была видна маленькая бухта, на берегу которой и находился рыбацкий посёлок.

На подоконнике догорала вторая свеча, когда в дверь постучали.

Агата открыла, не спрашивая кто, обняла тёмную фигуру в капюшоне.

— Пётр...

— Вымокнешь. На мне нитки сухой не осталось.

Он поцеловал её в лоб.

— Я уже не знала, что думать. Снимай всё—и к огню, греться. Будем ужинать.

— Погоди с ужином. Агата, у нас осталась терновка?

— Налить?

— Принеси и садись рядышком, сам налью.

Агата сняла с полки бутылку в оплётке с тёмной тягучей настойкой, две чарки.

— За твоё возвращение.

Пётр разлил терновку в чарки, плеснул немного в очаг. Огонь стих на мгновение и тут же разгорелся с новой силой, по комнате поплыл терпкий густой аромат тёрна.

Агата пригубила горьковатую настойку. Хоть и собирала ягоды после первых заморозков, а терпкость осталась.

— Все живы?

— Чудом... Баркас перевернулся в миле от берега. Думал—не выплыву. Сначала было тяжело, потом легче... Потом почувствовал—дно. И уже на дне увидел тебя.

— Меня?

— В белом платье, с жемчужным венцом на голове—будто короной. И со свечой. Нашей, венчальной. Ты её зажгла и искала кого-то.

— Там ещё кто-то был?

— Люди. Много людей. И все будто неживые...

Агата перекрестилась, зябко повела плечами и достала тёплый шерстяной плед.

— И очаг не спасает. Укрывайся. Затоплю-ка я печь.

— Постой.

Пётр удержал её за руку.

— Ещё терновки?—улыбнулась Агата.

— Ты светила в лицо каждому, наклонялась, всматривалась, всё искала кого-то...

— Кого же я могла искать?.. Тебя, конечно.

— А я был рядом. Ты меня не видела. Я тебя звал... Но вслух не мог ни слова вымолвить. И тогда ты закрыла глаза—и услышала меня, и сразу увидела, взяла за руку и повела за собой. И венца на твоей голове уже не было, а был простой белый платок. Я шёл. За мной—остальные. Невозможно сосчитать, сколько.

— Все вышли на берег?

— Все. Давай за возвращение...

Пётр вылил остатки терновки в чашу, выпил залпом и стал смотреть на огонь, словно что-то пытался там разглядеть.

— Ты, видно, был без сознания,—тихо сказала Агата.

Но он уже не слышал—крепко спал.

Она укрыла его пледом и вышла на улицу. Шторм утих.

Наутро в посёлке только и было разговоров о чудом спасшихся рыбаках.

Каждый из них рассказывал своё: кого-то подхватило сильным порывом ветра, кого-то волной. Хромому Нику привиделась покойная мать—вынесла его на руках, как младенца, и оставила на берегу. Самому молодому среди рыбаков, Игнату,—огромная рыба, хвостом выбросившая его на отмель. Старика, которого все звали Сэм, спасла

маленькая внучка — он души в ней не чаял. Мужа Нора вывела к берегу кошка... трёхцветная дикая bestия, прибившаяся к ним прошлой осенью. И как только Нора её ни гнала из дому — глядь, а кошка снова на своём любимом месте, у печки. И неведомо было Норе, что муж, дождавшись, пока она уснёт, впускал кошку в дом.

Пётр слушал их и молчал. Он-то знал, что спасла всех его любимая Агата, не пожалевшая зажечь венчальные свечи, её молитва. Её любовь.

— Ты хочешь сказать, что каждый из них спасён кем-то... кем был любим?

— Именно.

— Но ведь бывает и по-другому. И ещё... Никого невозможно удержать над пропастью без воли к жизни.

Тишина стала мне ответом.

И дальний раскат грома, предвещающий возвращение дождя.

История четвёртая. Портрет

О закатах и двойниках

— Закат сегодня невероятно красив!

Я подошла к окну.

— Интересно, где ты услышала эту фразу?

— Нигде, — обиделась улитка. — Моя. И очень красивый закат.

— Закат действительно хорош. А фраза из какого-то старого фильма. Или романа: прекрасная погода, не правда ли?..

Улитка сделала вид, что не услышала.

— Закаты не повторяются. Как море. Как люди и птицы.

— Говорят, что у каждого из живущих здесь есть двойник... Да, и потом, близнецы — они же так похожи.

— Ты говоришь о внешнем сходстве. Если присмотреться — то и в нём можно найти отличие. Здесь нет ничего повторяющегося — всё неповторимо. Уникально.

— А вы, улитки... вы так похожи.

— Примерно как вы, люди. Доброй ночи.

— А обещанная история?

— Смотри на закат.

Солнце опрокинуло чашу неба, янтарные потоки разлились меж облаками, свет смягчился, потеплели тени домов и деревьев, взгляды и голоса. Послышалась песенка цикады.

Случайная строка, залетевшая неведомо откуда, распустила «павлиний хвост» и показалась невообразимо прекрасной, почти гениальной.

Осторожно, едва прикасаясь к оперению невиданной доселе диковинной птицы, чувствуя себя первооткрывателем, создателем, творцом, отпускаю строку, и...

На бумагу ложатся слова.

Обычные, косные, расхожие и обыденные, из которых к утру, возможно, останется одно. Слово.

Идею сплотить неуправляемый седьмой «А» Алле подкинул муж, когда она в очередной раз жаловалась на класс, в котором вынуждена была взять классное руководство после ухода на пенсию Нины Матвеевны. Уж очень та просила. Да и как откажешь первой учительнице?

— Ты справишься, Аллочка. Они хорошие, только прячут себя за бравадой и жестокостью. Сердце у тебя открытое, доброе — детей любишь.

Алла обещала забежать, проведать, заодно и поговорить.

В субботу Нину Матвеевну забрала скорая. А утром в воскресенье её не стало.

Так и достался седьмой «А» Алле в наследство от первой и любимой учительницы.

На весенних каникулах всем классом решили отправиться в старый городской парк, бывший когда-то излюбленным местом отдыха многих горожан.

Со временем парк пришёл в запустение, редкие растения, высаженные ещё его владельцем, одичали, здания разрушились. Оставались только пруды, на одном из которых был маленький остров с фанерным домиком для лебедей и уток, но и их давно никто не чистил, а о лебедях с уточками помнили только старожилы.

Пришли все. Даже толстуха Тома. Да что там Тома... Пришёл даже Герман, которого в классе не любили за то, что был тихоней, носил очки, за то, что был чистеньким: безупречный пробор, белая рубашка, чёрный костюм с жилеточкой, всегда до блеска начищенные ботинки. За странное имя: кроме как Гера, никто его не называл. Гера Чокнутый.

На удивление, прогулка прошла без особых приключений.

Дети бродили по старому парку, слушали рассказ Аллы о князе — его первом владельце.

Узброшенного здания, в котором когда-то была летняя библиотека, Алла остановилась.

— А здесь на одной из стен была фреска с изображением жены князя, его единственной возлюбленной.

— Где, на какой стене, Алла Николаевна? Покажите... А вы видели её? Она была очень красивая? Как её звали? А что было дальше?

Девочки окружили Аллу. Мальчишки стояли чуть поодаль, но и им было интересно — это чувствовалось по взглядам.

— К сожалению, уже никто не помнит имени, никто не знает, на какой именно стене была фреска. Её написал безымянный художник, влюблённый в жену князя. Князь очень рассердился и повелел закрасить портрет. Каково же было его удивление, когда он, прогуливаясь, по обыкновению, ранним

утром, увидел, что портрет целёхонек. Он приказал наказать нерадивых слуг и вновь закрасить стену. Но наутро с фрески как ни в чём не бывало смотрела его жена. Тогда он сам взялся за кисть. Но и это не помогло. Князь пришёл в ярость и обезумел. По его приказанию слуги содрали со всего здания побелку и штукатурку—до самой кирпичной кладки, положили новый слой штукатурки и краски. Наутро...

— Фреска проступила сквозь новые слои штукатурки и краски,—раздался в тишине голос Германа.— Тише ты! Тебе-то откуда знать?..

— Нет-нет, ребята,— Алла увидела, что класс стоит вокруг неё и ждёт; ни смешков, ни мобильных телефонов, ни выкриков—ничего этого не было.—Герман прав. Фреска действительно никуда не исчезла.

— И что же князь?

— Сошёл с ума. Повелел засечь художника до смерти. Подарил городу сад, впоследствии ставший городским парком, и все строения в нём и уехал.— А что же стало с его женой?

— Она исчезла. Поначалу все думали, что она сбежала с художником. Потом, когда бедного художника похоронили, пошли слухи, что она утопилась в одном из этих прудов. Но тела так и не нашли.

Девочки вздыхали, мальчики притихли, и вновь в тишине прозвучал голос Германа:

— Вот эта стена. И портрет. Я его вижу.

— Видит он... Скажи, очкарик, что ты ещё видишь? Хватит врать—достал ты всех уже... И тут выпендриться хочешь...

— Тихо, ребята, тихо.— Алла укоризненно посмотрела на Германа.— Не ожидала от тебя. Признайся, ты ведь выдумал это? Пошутил?

— Нет. Я действительно знаю, где эта стена. И вижу фреску. И знаю, что на самом деле случилось с княгиней. Она сбежала, и её спрятал садовник в своём домике. Жена садовника ухаживала за ней—княгиня долго была без сознания, бредила...

— Прямо как ты сейчас,—выкрикнул кто-то.

Все рассмеялись.

— Потом у неё родился ребёнок. Мальчик. Мой прадедушка. Меня назвали Германом в его честь. А её звали Мария.

Голос Германа утонул в новом взрыве смеха.

— Костюмчик этот не он ли тебе в наследство оставил?..

— Хорошо,—улыбнулась Алла.—Если ты в это веришь—пусть так и будет. Но ведь это легенда. Красивая и очень печальная. Но легенда. Нет никаких свидетельств, документов—нет ничего, что подтвердило бы твои слова. Пора по домам, ребята! И не забывайте: в следующее воскресенье мы едем в графскую усадьбу на озере. Ой, мой автобус... До свидания!

Герман направился к трамвайной остановке, но путь ему преградили несколько одноклассников,

и среди них Маринка Петрова, задиравшая и дразнившая его с первого класса.

— Ну-ка, Гера, покажи-ка нам портрет прабабушки!

— Пусть вначале стену покажет,—выкрикнул кто-то сзади, и Герман понял, что окружён.

Подталкивая в спину, они привели его к зданию библиотеки.

— И где же он, портрет, который ты видишь?—выступила вперёд Маринка.—Или его видишь только ты, а мы тут все слепые—так? Может, нам очки нацепить? Одолжишь?

Она сорвала с Германа очки и, будто случайно уронив, наступила на них ногой.

— Ой... прости-прости. Что теперь будет с нашим зрением?... Ах. Есть портретик?

— Есть,—тихо ответил Герман.

— Что ж ты врёшь, очкарик, а?. Я тебе сейчас помогу сказать правду.

Маринка подошла совсем близко, замахнулась...

Лиц Герман не различал, перед глазами прыгали размытые грязные пятна, голоса расплывались, смешивались в низкий и монотонный гул.

И вдруг всё стихло.

— Оставь, не видишь, припадок у него...—сказал кто-то из ребят и осёкся, в ужас глядя на стену.

На ободранной, растрескавшейся от времени стене, у которой лежал без сознания Герман, сквозь слои старой побелки проступал портрет прекрасной молодой женщины с длинными волосами, развевающимися от ветра по обнажённым плечам.

История пятая. Стрелы Времени

Орхидеи, зелёный чай, море и воспоминания

Виноградный лист, освещённый солнцем, покачивается на ветру.

Вижу каждую прожилочку, каждое пятнышко, и легко и светло на душе, словно она—моя душа—выпорхнула на миг из тела и покачивается на молодой лозе, плёт благодатное августовское тепло и светится от счастья.

Сиюминутное, почти эфемерное состояние, поднимающее над миром и миром, над суетой и болью, над новостями, которые всё больше и больше напоминают колонку криминальной хроники, состояние лёгкости и безмятежности бытия, любви.

Оно пройдёт.

Вернётся мирское и суетное.

Солнце падёт за горизонт, унося с собой свет дня сегодняшнего.

Но в сердце останется ощущение тихой радости, беспричинной и лёгкой, как молодой виноградный листок на ветру, освещённый щедрым и благодатным августом.

— О чём бы ты писала, если бы не море? И писала ли бы вообще?

— Об орхидеях. О закатном луче, пробивающемся сквозь зелёный виноградных листьев, о темнеющих виноградных гроздьях. О жизни и смерти. О любви. О маленьких и очень завистливых белых улитках...
— Я не завидую. Я пытаюсь понять, насколько важно делиться с кем-то своими воспоминаниями и размышлениями. У папы в шкафу книга была с таким названием. На третьей полке стояла.

— У какого папы?..
— У моего, разумеется. Прости, всё время забываю, что я теперь—улитка.

— Теперь... у папы... Откуда это?

— Не только у тебя есть память.

— О прошлых воплощениях?

— Или... о будущих.

— Что ещё ты помнишь?

— Влажная тёплая земля, запахи лаванды и мяты. Золотая роза и глупая белая бабочка на ней.

— Глупая?

— Она рассказывала розе о Турции, о каких-то горящих путёвках all inclusive...
— В чём же глупость?

— Всё закончится быстрее, чем она думает. Вернее—не думает.

Я вспомнила свой недавний телефонный разговор, но промолчала. Маленькая белая улитка права. Я и есть та самая глупая бабочка. Думаю, что буду всегда, не дорожу временем.

«И свято верим, что бессмертны... а нам бы до утра дожить...»

— Что-что?

— Зелёный чай, говорю,—лучшее средство от жары. Хочешь глоточек?

— Слушай историю о стрелах Времени.

— Каролина!

Девочка лет пяти словно возникла из воздуха. Золотистые локоны из-под кружевной шляпки, длинное белое платье, красные сандалии...

На каштановой аллее парка темнело рано.

Мама девочки ещё раз окликнула её, но маленькая модница даже не посмотрела в её сторону. Всё внимание Каролины было приковано к маленькому зелёному кузнечнику, каким-то чудом оказавшемуся на ладошке.

— Немедленно подойди ко мне.

Девочка повела плечиком. Несколько золотых локонов упали с плеча.

Старушка, дремавшая на скамейке у развилки, вздрогнула и улыбнулась, увидев девочку.

— Это тебя мама зовёт?

Девочка кивнула.

— Не отзываешься? Нехорошо. Поймала стрекозку?

— Это кузнечик. Разве не видите?

— Вижу, ласточка, вижу... Я могу не увидеть камень у себя под ногами, а то, что далеко, теперь вижу хорошо.

— Я бы тоже хотела видеть далеко.

— Не спеши. И в тебя попадёт стрела Времени—и ты будешь видеть далеко, всё знать о будущем и ничего не помнить о прошлом.

— Что за стрела такая? Стрелка от часов?

— Стрелы Времени наступают каждого. Первая стрела—детство. Ранит больно и оставляет самый глубокий след.

— Как от укула?

— Укол—сущие пустяки в сравнении с этой стрелой. Не все замечают её. Не все и не сразу.

Каролина краешком глаза заметила, что мама подошла совсем близко, и поспешно спросила:

— А вторая стрела добрее первой?

— Вторая стрела отравлена ядом одиночества и неверия. Всё становится чужим и чуждым.

— А как же мама и папа?—удивилась девочка.

— Они-то как раз и кажутся самыми чужими. Почти врагами.

— Что же делать? Бежать из дому?

— Представь, многие так и делают. Но нет. Необходимо всё пережить и дожидаться третьей стрелы.

— Она хорошая?

— Она лучшая. Лёгкая и звенящая. В её радужном оперении радость и счастье. От её укула хмелеешь и однажды, проснувшись ранним утром, понимаешь, что умеешь летать. И летишь.

Мама Каролины тихонько присела на скамейку рядом с дочкой.

Девочка слушала старушку, не отрывая взгляда от маленького зелёного кузнечика на ладошке.

— Что же случится потом?

— Четвёртая стрела собьёт тебя однажды на лету—высоко-высоко, когда будешь уверен, что вниз уже никогда спустишься. Не приземлишься. Четвёртая стрела принесёт в твой дом печальные вести о болезнях и смерти родных и близких тебе людей.

Мама девочки сделала предостерегающий жест.

— Каролина, нам пора.

— Я останусь. Пожалуйста. Я хочу узнать о четвёртой стреле. И о пятой—тоже.

Девочка умоляюще посмотрела на мать. У неё были огромные глаза в чёрных пушистых ресницах—льдисто-серебристые, серые—и внимательный спокойный взгляд взрослого человека.

— Красивое имя,—улыбнулась старушка.—Кто назвал тебя так?

— Не знаю,—пожала плечами девочка.—Родители, наверное. Да?—обратилась она к матери.

— Так звали твою прабабушку. Мою бабушку. Все называли её Лина, и только самые близкие—Каролина.

— Когда-то давно меня тоже звали так...—вдохнула старушка.

— А теперь как вас зовут?

— Не помню.

Мама девочки встревоженно посмотрела на старушку.

— Надеюсь, вы помните, где живёте? Свой адрес можете назвать?

— Конечно, помню. Здесь недалеко—там, где пятый трамвай делает круг.

— Номер дома помните?

— Я помню дорогу. Решётку старых ворот помню: нужно войти во двор и свернуть направо—у третьего окна, у старой вишни.

— Может быть, вызвать полицию? Они помогут.

— Вы очень добры. Спасибо. Я всё хорошо помню—не волнуйтесь.

— Мама, зачем полиция? Мы же сами можем отвести бабушку Каролину домой. А она по дороге расскажет о пятой стреле и о том, почему кузнечик называется стрекозой... Расскажешь?

— Расскажу...

Старушка встала, опираясь на тросточку с ручкой в виде улитки.

— Каролина, ты учишься французскому языку?

Каждая барышня должна знать французский. Кстати, стрекозу французы называют демуазель...

— Знаю, знаю!—закричала Каролина и, забыв о маленьком зелёном кузнечике, захлопала в ладоши.

Кузнечик исчез в высокой траве.

— А моя бабушка звала стрекозу Синим Коромыслом. А вот кузнечика—стрекозой.

— Как всё перепуталось, — вздохнула мама девочки. — Но вы всё же не забывайте следить за дорогой.

— Нет-нет, не волнуйтесь. Как ваше имя?

— Анна.

— Не волнуйтесь, Анна. Вот мы и пришли.

Они подошли к старинным кованым воротам, вошли во двор и свернули направо—у третьего окна, у старой вишни.

— А как же пятая стрела, бабушка Каролина?

— Пятая стрела приносит избавление от страданий, если выпущена вовремя. Приходи завтра в парк, на нашу скамейку. Придешь?

— Приду!

— Вот тебе открыточка на память.

На открытке была изображена каштановая аллея старого парка и единственная скамейка—у развилки.

Ночью начался дождь, который шёл, не переставая, двое суток.

Он то затихал, переходя на мелкий моросающий шаг, то усиливался.

Ни о какой прогулке в парк мама и слушать не хотела.

Каролина, вздыхая, сидела у окна с книгой и смотрела, как по оконному стеклу сбегают потоки дождевой воды.

Солнце выглянуло только к вечеру на третьи сутки. Наутро Каролина с мамой отправились в парк.

Каштановая аллея была усеяна листьями и каштанчиками в колючих рыже-зелёных доспехах.

На скамейке у развилки лежало несколько каштановых листьев.

— После такого дождя надо бы ещё побыть дома—очень сыро.

— Как ты думаешь, мамочка, она тоже сейчас дома?

— Думаю, да. Сидит в кресле у окна и вяжет внукам шерстяные носки.

— Как жаль, что я не её внук. Мне никто никогда не вязал носки в кресле у окна...

Мама укоризненно покачала головой:

— Твоя бабушка живёт далеко от нас. Но она часто присылает тебе подарки.

— Я хочу, чтобы мы жили все вместе. И чтобы она сидела в кресле у окна и вязала мне носки. И тебе. Чтобы мы ходили гулять в парк, на любимую каштановую аллею. И чтобы папа... жил с нами.

На следующий день Каролина с мамой снова отправились в парк, но скамейка по-прежнему была пуста.

— Мамочка, пожалуйста, давай сходим к ней. Это же недалеко.

— Но это не очень удобно—беспокоить пожилого человека.

— Мы только узнаем, как она... И всё. Пожалуйста.

— И ты не будешь приставать с вопросами? И будешь хорошо себя вести?

— Обещаю.

Они прошли через парк, вошли в старинные кованые ворота во двор, свернув у третьего окна—у старой вишни.

На оконном стекле—изнутри—белел листок бумаги с надписью: «Продаётся»,—и номер телефона внизу.

— Как же так?...—растерялась Каролина.

— Пойдём. Я записала номер—возможно, по нему мы что-то сможем узнать.

Уже у самых ворот их окликнули.

Мужчина с грустными глазами, одетый в серую ветровку и джинсы, держал в руках небольшой пакет.

— Вы Анна? А это, насколько я понимаю, Каролина.

Мама рассказала мне о вашей встрече. И ещё... просила передать, что к ней прилетела...

— Пятая стрела Времени?—шепнула девочка.

— Да. И вот ещё пакет. Мы хотим продать её домик и вернуться туда, где жили раньше.

— Раньше?

— До того, как мама заболела. Она хотела, чтобы мы жили вместе—под одной крышей. Переезд к нам она не перенесла бы. Поэтому переехали мы. Я и мой сын.

— Папа, ты скоро?

Из двери выглянул светловолосый худенький мальчик.

— Познакомься, Лёвушка. Это—Каролина. И её мама—Анна. А это—Лев.

— Спасибо... Мы пойдём, пожалуй.

— Если случится вдруг оказаться в Риге—звоните.

— А вы звоните нам, если приедете. И просто— звоните.

Анна записала номер телефона на открытке с видом скамейки у развилки, на каштановой аллее старого парка.

— Вот, возьмите. Это скамейка, на которой любила сидеть ваша мама. И твоя бабушка.

Каролина протянула Льву несколько колючих рыже-зелёных каштанов.

— Осторожно. Они очень острые.

— Не острее, чем стрелы Времени.

Дети понимающе переглянулись.

Придя домой, Анна заглянула в пакет.

Там лежало три пары тёплых шерстяных носков— две взрослых и одна детская.

— Как всё переплелось в твоих рассказах. Разные времена, лица, судьбы... Но что-то же их связывает?

— Конечно. Спирали моего домика. Новый виток— новая жизнь— новая история. Мой домик— маленькая галактика. Не замечала?

— Судя по количеству витков и историй— тебе пять лет? А сколько длится год в твоей галактике?

— Пять минут или пятьсот лет— не имеет значения.

— Ты хочешь сказать, что тебе не страшны стрелы Времени?

— Я ничего не хочу сказать. Всё уже сказано. И записано, надеюсь?

— Записано, конечно.

— Тогда... до следующего витка. И до следующих историй.